

ГАЛИНА ЕГОРОВА

Советская молодежь о православных верующих в период антирелигиозной кампании Н. С. Хрущева (case-study: г. Кинешма Ивановской области)

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-4-222-246>

Galina Egorova

Soviet Youth on Orthodox Believers in the Time of Nikita Khrushchev's Anti-Religious Campaign (Case-Study of Kineshma, Ivanovo Region)

Galina Egorova — Higher School of Economics University (Moscow, Russia). gsegorova@hse.ru

The paper aims to analyze a unique source — thirty-eight school essays written in Kineshma, a provincial Russian town, in 1964. The essays are entitled “Who is going to church now?” I intend to address the question whether Soviet atheist propaganda was in fact efficient and to what extent patterns provided by anti-clerical rhetoric reached out for young Soviet people in the provinces. The paper presents the Soviet students’ perception of the Orthodox believers as well as religiosity itself: the opposition of believers to socialist modernity and progress, the victimization of female and child religiosity, as well as the social stigmatization of believers.

Keywords: Khrushchev's anti-religious campaign, religion in the USSR, believers, religiosity, youth, school essays.

В 2017 г. *Pew Research Centre*¹ опубликовал исследование религиозности населения в странах Центральной и Восточной Европы, на территории которых в XX веке наибо-

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарность Е. М. Болтуновой, рецензентам и редакторам журнала за ценные идеи и вклад в создание этой статьи.

1. Pew Research Center — информационный центр (Вашингтон, США), который представляет сведения о проблемах, отношениях и тенденциях в современном мире.

222 Егорова Г. Советская молодежь о православных верующих в период антирелигиозной кампании Н. С. Хрущева (case-study: г. Кинешма Ивановской области) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39(4). С. 222–246.

Egorova, Galina (2021) “Soviet Youth on Orthodox Believers in the Time of Nikita Khrushchev's Anti-Religious Campaign (Case-Study of Kineshma, Ivanovo Region)”, *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 39(4): 222–246.

лее интенсивно проводилась политика государственного атеизма. Оказалось, что несмотря на гонения, религия в этом регионе вновь утвердилась как важная составляющая личной и национальной идентичности. Сравнение результатов опросов 1991 и 2015 гг. показало, что доля населения, отождествляющего себя с православным христианством, увеличилась в России и Украине вдвое, в Болгарии — более чем на четверть². Значительный рост религиозности за короткий период времени ставит вопросы о начале процесса этого «религиозного ренессанса», о его триггерах, которыми могут выступать, к примеру, демократизация после распада СССР или явления, свойственные советской эпохе.

Изучение динамики религиозности населения СССР представляет трудноразрешимую для исследователя задачу, во-первых, из-за нехватки официальных статистических данных, во-вторых, из-за спорного характера содержащихся в них сведений³.

Отсутствие достоверных данных о религиозности в СССР осознали еще в период антирелигиозной кампании 1950–1960-х гг., когда стали искать причины провала государственной кампании по атеизации населения. Борьба с «религиозными пережитками», длящаяся более 40 лет, не принесла ожидаемых результатов, поэтому партия решила обратиться к научному изучению социокультурного портрета верующих. Для этого было решено провести «конкретные исследования степени и характера религиозности населения СССР»⁴.

В 1959 г. Институт истории Академии Наук СССР направил научные коллективы для «полевых» исследований в Тамбовскую, Липецкую, Воронежскую и Рязанскую области. География пер-

Проводит опросы общественного мнения, демографические и другие исследования в области социальных наук.

2. “Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe National and religious identities converge in a region once dominated by atheist regimes”, *Pew Research Center* [<https://tinyurl.com/3mjku79>, accessed on 20.02.2020].
3. К примеру, историки ставят под вопрос достоверность результатов переписи населения СССР 1937 г. в силу общих антирелигиозных настроений того времени, которые могли повлиять на ответы верующих: Corley, F. (1994) “Believers’ Responses to the 1937 and 1939 Soviet Censuses”, *Religion, State and Society* 22(4): 403–417; Pospelovsky, D. V. (1987) *A History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer*. Palgrave Macmillan; Чумакова Т. «Карта религий» для неудавшейся всесоюзной переписи 1937 г.: забытая страница советского религиозоведения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 3–4 (30). С. 106–133.
4. Конкретные исследования современных религиозных верований (Методика, организация, результаты): [Сборник] / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма; [Отв. ред. А. И. Клибанов]. Москва: Мысль, 1967.

вых исследований охватила южные регионы исторического центра России с компактным проживанием русского населения. Куртировал проведение исследований Александр Клибанов, историк, крупный специалист по истории сектантства. Интервьюеры должны были не только собрать научную информацию, но и превратить интервьюируемых из «верующих в атеистов» путем демонстрации превосходства научного атеистического мировоззрения⁵.

Сбором полевой информации занимались не только исследователи из Академии, но и региональные отделы общества «Знание» под руководством сектора атеизма Института философии Академии наук СССР. Ими также был собран значительный эмпирический материал⁶.

В фондах института научного атеизма при ЦК КПСС сохранились редкие источники — школьные сочинения «Образ современного верующего» из города Кинешмы. Эти тексты были написаны учащимися одной из школ рабочей молодежи весной 1964 г., за полгода до снятия с поста Никиты Хрущева (за которым последовало смягчение антирелигиозной политики)⁷. Важно отме-

5. Хун У. Рождение этнографии из духа атеизма? Исследования «современного сектантства» в контексте антирелигиозных компаний Н. С. Хрущева // *Этнографическое обозрение*. 2018. № 2. С. 110–112. Smolkin, V. (2018) *A Sacred Space Is Never Empty. A History of Soviet Atheism*. Princeton & Oxford: Princeton University Press.
6. Напр.: РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 120. Сводные данные конкретно-социологических исследований проблем атеизма и религии, проведенных в 1960–1972 гг. опорными пунктами Института научного атеизма.
7. Очевидно, что сочинения стали частью большой социологической кампании по изучению религиозности в Ивановской области, инициированной местными партийными организациями, в ходе которой были изучены материалы, касающиеся «13 тысяч семей — около 30 тысяч человек». «Цель изучения состояла в следующем: установить, какой процент населения охвачен религиозным влиянием; определить религиозную принадлежность и выявить степень приверженности к религии». Результаты этой кампании были представлены в отчетной статье секретаря Шуйского горкома КПСС А. Юдина, в которой автор рассуждает о гендерном и возрастном аспектах религиозности в области. Автор анализирует материалы, касающиеся, преимущественно, женской религиозности (прежде всего участия в обряде крещения) и проблемы религиозного влияния на детей школьного возраста. Для изучения детской религиозности «в ряде школ провели письменный опрос учащихся. Чтобы ответы были более откровенными, они не подписывались под ними». Однако темы сочинений изначально носили ангажированный характер: «Есть ли верующие в твоём доме, квартире? Твоё отношение к ним? Почему и надо ли бороться с религией, и как ты это делаешь?». Подробнее о ходе и итогах этой кампании см.: Юдин А. Индивидуальный подход в атеистической работе // *Коммунист*. 1965. № 15. С. 58–64. Анализ некоторых интервью, собранных Институтом научного атеизма в 1964–65 гг. и содержащих ценные сведения о религиозных представлениях пожилых женщин Ивановской области пролетарского или крестьянского происхождения — важной категории

тить, что авторы сочинений были воспитаны в обществе, где атеизм был фундаментальной основой государственной идеологии. Советский человек с детства получал ответы на вопросы о «смысле жизни», об этике поведения строителя коммунизма. Перед системой образования была поставлена важная цель — воспитание убежденных атеистов⁸. Советские СМИ формировали малопривлекательный образ верующих, основой которого стали стереотипы об их отсталости, примитивности, слабости, неполноценности, а также о лицемерии, двуличии и алчности клира⁹. Журнал «Наука и религия» публиковал примеры применения методики выявления «скрытой религиозности» детей через косвенные вопросы на уроках в начальной школе¹⁰. Анонимные работы из Кинешмы позволяют изучить, с одной стороны, религиозность молодежи центрального региона РСФСР, а с другой — определить влияние атеистической пропаганды в советской провинции.

Заметим, что позже, в брежневский период, социологические исследования религиозности молодежи станут весьма распространенным явлением¹¹. Однако для изучения общественного мнения школьные сочинения использовались намного реже анкетных опросников: последние позволяли охватить более широкий круг респондентов, а также обладали преимуществами в легкости и скорости обработки полученных результатов. Школьные сочинения — достаточно редкий исторический источник, в силу того что большая часть их никогда не попадала в архивы, одна-

советского послевоенного общества, представлен в работе Мириам Добсон (Dobson, M. (2015) "The Social Scientist Meets the "Believer": Discussions of God, the Afterlife, and Communism in the Mid-1960s", *Slavic Review* 74(1): 89).

8. О воспитании спектра «разрешенных» эмоций и подавлении других в системе образования СССР подробно написала Катриона Келли: Келли К. Право на эмоции, правильные эмоции: управление чувствами в России после эпохи Просвещения // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: Новое литературное обозрение. 2010. С. 68–73.
9. Федоров А. В. Опыт герменевтического анализа советских аудиовизуальных медиатекстов антирелигиозной тематики на занятиях в студенческой аудитории // Инновации в образовании. 2013. № 7. С. 78–94.
10. Например: Дубовка А. Кто из детей верит в бога? // Наука и религия. 1963. № 2. Этот журнал выступал пионером в освещении методики атеистической работы, критикуя «Учительскую газету» и педагогические вузы за «недостаточное внимание» к проведению атеистической работы: например, «Школа не может быть нейтральной» // Наука и религия. 1961. № 9. С. 13–14.
11. Biddulph, H. (1979) "Religious Participation of Youth in the USSR", *Soviet Studies* 31(3): 417–433.

ко те, что смогли сохраниться, предоставили исследователям ценные сведения¹². Уникальность сочинений из Кинешмы в том, что они изначально стали частью большой кампании по научному изучению религиозности в СССР и содержат информацию, которая в свое время не получила достойной интерпретации.

Город Кинешма Ивановской области, расположенный в живописном месте на берегу Волги, находится в 400 км от Москвы. До революции 1917 г. это был типичный провинциальный купеческий город с традиционным укладом жизни и свойственным ему набором ценностей. При советской власти Кинешма из маленького городка с населением менее 10 тыс. человек (1913 г.) превращается в промышленный районный центр. В 1959 г. там проживало почти 90 тыс. человек¹³ и работали предприятия текстильной, химической, пищевой, машиностроительной и электротехнической отраслей.

Насильственная секуляризация в Кинешме прошла так же, как и во многих городах региона — из 9 церквей, действовавших до революции, в начале 1960-х гг. для верующих был открыт только Успенский собор. Атеистическая кампания 1950-х гг. претворялась в жизнь в Кинешме по общим для всей страны схемам: проводилась воспитательная работа в учреждениях образования и культуры, местная газета «Приволжский край» регулярно публиковала статьи антирелигиозного характера¹⁴.

12. *Осовский О.Е.* Переживание «утраты дома» у детей-беженцев из России (по материалам школьных сочинений первой половины 1920-х гг.) // Гуманитарные науки и образование. 2010. № 1. С. 60–63.
13. Численность населения СССР по переписи на 15 января 1959 года по республикам, краям, областям, национальным округам, районам, городам, поселкам городского типа, районным центрам и крупным сельским населенным местам (по административно-территориальному делению на 1 января 1960 г.). М.: Центральное статистическое управление при Совете Министров СССР, 1960.
14. *Пестовский И.* Коммерсанты в рясах // Приволжская правда. 1960. № 56. С. 3; *Мезенин М.* Ржавчина // Приволжская правда. 1960. № 103. С. 3; *Иванов И.* Венчание не помогло // Приволжская правда. 1960. № 49. С. 3; *Мезенин М.* Ханжа // Приволжская правда. 1960. № 103. С. 3; *Мезенин М.* Бабушка старого закала // Приволжская правда. 1960. № 103. С. 3; *Юрлов М.* Нечисть // Приволжская правда. 1961. № 43; *Юрлов М.* Конец «чудотворной» // Приволжская правда. 1961. № 20; *Милоша Ю.* Про бабку Настасью // Приволжская правда. 1961. № 20. С. 8; *Поликарпов М.* Нечистая сила // Приволжская правда. 1961. № 102; *Попов П.* Знахарство — вредный пережиток прошлого. 1960. № 17. С. 3; *Александров А.* Звонят колокола в Стиберском // Приволжская правда. 1960. № 92. Об убийстве членами секты ребенка см.: *Изуверы* // Приволжская правда. № 100–102. С. 3; *Яковлев Е.* Кто такие баптисты // Приволжская правда. 1960. № 31. С. 2; о деятельности общин пятидесятников г. Кинешма см.: *Васильевич В.* Трясуны не унимаются... // Приволжская правда. 1960. № 11. С. 2.

При заводах Кинешмы были открыты школы рабочей молодежи, где рабочие, не получившие полноценного школьного образования, могли без отрыва от производства выйти на образовательный уровень старших классов средней школы. Весной 1964 г. в десятых классах одной из таких школ (ШРМ № 2) учительница литературы З. Ф. Лебедева предложила учащимся следующие темы для сочинений: «Какой вред наносит религия строительству коммунизма?», «Что значит быть воинствующим атеистом?», «Облик современного верующего / Кто сейчас ходит в церковь?», «Как я отношусь к церковным обрядам: крещению и венчанию»¹⁵. Сочинения проводились анонимно (учащиеся указывали только псевдоним)¹⁶. Организаторы отказались от изначально заданного плана, предоставив учащимся полную свободу в раскрытии темы.

Наше исследование построено на основе анализа 38 сочинений на тему «Образ современного верующего / Кто сейчас ходит в церковь?». Кроме главной задачи — изучения эффективности воздействия атеистической пропаганды на сознание советской молодежи, эти работы помогут определить основные составляющие образа верующих в представлениях учащихся из провинции Центральной России и выяснить степень религиозности самих респондентов, а также понять условия, при которых молодежь в атеистическом обществе могла обратиться к вере.

Работа с источниками строилась на основе применения социологических принципов анализа информации¹⁷. Особенности источника — щедрый на эмоции нарратив — предопределили обращение к методологии истории эмоций, благодаря которой стало возможным изучить спектр чувств, которые вызывали верующие

15. РГАСПИ. Фонд 606. Опись 4. Дело 163. Материалы социологического исследования об отношении учащихся 6–10-х классов школы г. Шуя Ивановской области к богу и религии, проведенных заслуженным учителем РСФСР Б. И. Красновым. Л. 68.

16. Школьная документация, которая помогла бы реконструировать гендерный и возрастной портреты респондентов, не сохранилась, однако автору статьи удалось побеседовать с З. Ф. Лебедевой. По воспоминаниям педагога, большую часть учащихся ШРМ № 2 составляли работающие на заводах юноши в возрасте двадцати с лишним лет, которые продолжили образование после службы в армии. Таким образом, респонденты, несмотря на юный возраст, имели разнообразный социальный опыт.

17. Мы использовали принципы аналитического описания А. Страуса, основанного на открытом, осевом и выборочном кодировании первичной информации социологического характера.

у советской молодежи, и сравнить его с паттернами, формируемыми атеистическим дискурсом¹⁸.

Православные как «Другие»

Вначале оговоримся, что респонденты в своих работах не обозначали конфессиональную принадлежность верующих, о которых они писали, однако повсеместно встречаемые маркеры «иконы», «свечи», «поп», «церковь» свидетельствуют, что речь идет в первую очередь именно о привычной им православной религиозности. Заметим, что в современной историографии значительное число работ посвящено изучению положения протестантских деноминаций в этот период¹⁹. Православная же религиозность, напротив, исследована значительно меньше, что делает полученные сведения особенно актуальными.

Учащиеся Кинешмы не задумывались о вопросе численности верующих в СССР: в половине сочинений респонденты вовсе обошли этот аспект вниманием. При этом 40% респондентов выразили убеждение в сохранении значительного числа верующих («очень много», «большое количество», «армия верующих становится все меньше и меньше»).

Ключевым концептом, объединяющим эти разнообразные по содержанию работы, является восприятие верующего как «Другого», личность которого настолько противоречит социалистической реальности второй половины XX века, что даже внешне не должна проявляться его инаковость:

18. Применение методологии истории эмоций относительно данного кейса необходимо снабдить некоторыми комментариями. Безусловно, говоря об эмоциональном восприятии учащимися религии, верующих и церкви, анализируя эмоциональные высказывания в тексте, мы имеем дело с внешним проявлением эмоций, которое может не совпадать с фактическим внутренним переживанием. Вопрос о границах между выражением в текстах индивидуально-личностного взгляда респондентов относительно поставленных проблем и трансляцией социально одобряемых реакций остается открытым без привлечения дополнительных источников, что не препятствует, на наш взгляд, изучению системы эмоциональных норм, свойственных данному режиму, через свидетельства данной референтной группы.
19. Белякова Н., Добсон М. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг. Исследования и источники. М.: Indrik, 2015; Dobson, M. (2014) "Child Sacrifice in the Soviet Press: Sensationalism and the 'Sectarian' in the Post-Stalin Era", *Russian Review* 73(2): 237–259; Baran, E. (2011) *Faith on the Margins: Jehovah's Witnesses in the Soviet Union and Post-Soviet Russia, Ukraine, and Moldova, 1945–2010*. PhD thesis, University of North Carolina at Chapel Hill, 2011; Никольская Т.К. Русский протестантизм и государственная власть. СПб., 2009.

Женщина работает на каком-либо заводе или на производстве вместе с нами и на вид она как женщина, и работает не хуже никого. К работе относится с душой. Но вот недосмотр и очень серьезный — она верит в бога²⁰.

Убеждение, что все «другое» априори враждебно социалистическому строю, нашло свое отражение в работах респондентов. Термины «враг», «враждебный» встречаются в четверти работ: «После этого Л. О. стала ходить в церковь, заставляла ходить туда детей. Верой в бога, жертвоприношением за мужа Л. О. стала врагом неверующих»²¹. При этом, для большинства респондентов в образе «Другого» слились антагонистичные образы врага и жертвы. Верующий — это враг, который ошибается в силу своей непросвещенности и ограниченности: «Надо бороться за каждого верующего, нельзя отдавать в “цепи церковников” ни одного человека, ибо каждый верующий есть наш общий враг; с которым и за которого мы боремся»²².

В значительной части работ присутствует бинарная оппозиция: «строительство коммунизма — религия». Положение о том, «религия является тормозом в строительстве коммунизма» явно или косвенно высказали большинство респондентов: «религия воспитывает в верующем индивидуализм, склонность к одиночеству, ее девиз: “Каждый за себя, один бог за всех”, что противоречит девизу “Один за всех, все за одного”»²³.

Труд — одна из главных ценностей советского общества, который выступал цементом, который объединял многонациональный советский народ в едином деле — строительстве коммунизма. Однако для религиозного человека, сосредоточенного на боге и подготовке к вечной жизни, труд не имел сакрального характера, что снова ставило его вне социума: «у нас есть много верующих, которые, вовлекаясь в социалистическое строительство, становятся передовиками производства. Но стали они ими не благодаря религии, а вопреки ей». Автор другой работы подчеркивает, что «верующий человек пассивен, религия внушает отвращение к труду».

20. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 163. Л. 134–134 об. Здесь и далее сохранена авторская орфография и пунктуация источников.

21. Ф. 606. Оп. 4. Д. 163. Л. 76–76 об.

22. Там же. Л. 76 об.

23. Там же. Л. 90 об.

Атеистическая пропаганда формировала убеждение, что основанием для веры была неграмотность, что сразу ставило верующих за пределы интеллектуального равенства в эпоху космических открытий. Многие респонденты выражали чувство превосходства над отсталостью верующих. Верить было смешно и унижительно: «В наше время молодым людям верить в бога и ходить в церковь большой позор»²⁴, «По моему, в наше время верить в бога это значит не уважать себя»²⁵, «Нам, передовой советской молодежи, кажется глупым верить в ничто»²⁶. Респонденты, характеризуя верующих, часто используют термин, подчеркивающий их неполноценность: «нравственные калеки», «вера калечит»²⁷, «Религия отупляет людей, мешает им быть активными строителями бесклассового общества»²⁸.

Заметим, что атеистический дискурс «эпохи оттепели» в первую очередь апеллировал к эмоциям. В отличие от конструирования образа «сектантов», основанном на демонизации, постоянном обращении к чувству страха, быть православным было смешно. Высмеивание косности, отсталости и несовременности верующих — ключевая особенность борьбы с православной религиозностью. Неслучайно большая часть информации в СМИ о православии написана в виде осуждающих статей либо фельетонов. Редкий номер юмористического журнала «Крокодил» обходился без материалов антирелигиозного характера²⁹. Кинешемская «Приволжская правда» часто публиковала карикатуры антирелигиозного характера.

Бинарная оппозиция «наука — религия», активно культивируемая в СМИ, должна была свидетельствовать об отсталости и необразованности верующих. Быть верующим значило жить иной, квасной, домостроевской жизнью, где нет места современным достижениям науки и техники. Для респондентов

24. Там же. Л. 126.

25. Там же. Л. 39 об.

26. Там же. Л. 79 об.

27. Там же. Л. 86 об., 126 об., 137, 150.

28. Там же. Л. 90.

29. О силе смеха неоднократно говорилось в статьях журнала «Наука и религия»: «Над чем смеется человек, тому он не поклоняется. “Заставить улыбнуться над богом Алисом, значит, расстричь его из священного сана в простые быки”, — писал А. И. Герцен. “От смеха падают идола, падают венки и оклады, и чудотворная икона делается почерневшей и дурно нарисованной картинкой”» (Довгалюк П. Очистительный смех // Наука и религия. 1963. № 6. С. 46–49).

современные им технические новшества уже выступали «апостолами атеизма», которые свидетельствовали о величии и всемогуществе человека, которому бог был уже не нужен. Для верующих техника и научные открытия не были достаточными доводами в пользу отказа от своих убеждений, что вызывало непонимание:

Современный верующий человек — человек, живущий двусторонней жизнью. С одной стороны, верующий человек, гражданин советского государства, пользуется всеми земными благами, созданными человечеством за многие столетия. Верующий человек ходит в кино, театр, читает газеты и журналы, пользуется коммунальными услугами и многим другим, что было создано в нашей стране для советского человека. И в то же время этот человек верует в бога, в потустороннюю жизнь, в рок³⁰.

В сочинениях нашлось место и космической теме, широко используемой в СССР для опровержения существования бога. В 7 работах учащиеся выразили удивление от того, как в космическую эру можно быть религиозным человеком. Повторение известного тезиса «В космосе побывали люди. Ну и что же? Нет никакого бога»³¹ свидетельствует о том, что респонденты не критично подходили к положениям атеистического дискурса.

Религиозность, по мнению учащихся, носила рудиментарный характер, так как ассоциировалась в трети работ с дореволюционным периодом. В 20% работ проводились логические связи между существованием императорской власти в России и верой как политическим инструментом сохранения режима. Неграмотность как основа распространения религиозности была выгодна для контроля над подданными:

До революции в России почти каждый был верующим. Неверующими были только коммунисты и революционеры, которые были воспитаны на марксистской философии. Большое количество верующих людей в России было потому, что русский народ был неграмотен и вершины грамоты были недоступны забитым³².

30. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 163. Л. 40.

31. Там же. Л. 77 об.

32. Там же. Л. 75.

Размышляя о причинах религиозности, особое удивление у респондентов вызывал необъяснимый парадокс — среди их знакомых встречались истово верующие люди с высшим образованием (5 сочинений), объяснение этому явлению учащиеся дать не смогли.

Страх божий и «педагогика страха»

Традиционно феномен страха занимает ключевое место в религиозных верованиях, не только объясняя вопросы жизни и смерти, тем самым нивелируя архетипический страх, присущий всему человечеству — страх смерти, но и развивая нравственный аспект, предоставляя человеку выбор поведения в мире земном, при условии получения воздаяния в мире загробном.

Богобоязненность традиционно выступает одной из христианских добродетелей. В православной традиции страх Божий понимается как символ любви, благоговения к Богу, опасение оскорбить Его нарушением заповедей, что невольно развивает в христианине особенную бдительность, смирение и непрестанную молитву: «Начало премудрости — страх Господень» (Пс. 110:10). В новозаветной традиции, через страх Божий верующий способен получить любовь к Богу и людям. По словам апостола Иоанна, «в любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение, боящийся не совершен в любви» (1 Иоанна. 4:18). Как писал о. Александр Мень:

Страх Божий — это не значит бояться Бога, как мы боимся молнии или электрического разряда, страх Божий — это значит бояться потерять Его, потерять чувство полноты, чувство вечности, чувство божественного. Это самое высокое, поющее чувство в человеке, даже когда человек этого не сознает. Но он может его потерять, и потерять надолго, а может потерять это навсегда — вот чего следует бояться³³.

Атеистическая пропаганда выбрала эмоцию страха как центральный элемент образа верующего человека:

Страх — это неотъемлемое чувство религиозного человека во все времена и у всех народов, начиная от первобытной религии и кончая современным христианством. Возникнув исторически как про-

33. Отец Александр Мень отвечает на вопросы. Москва: Фонд имени Александра Меня, 1999. С. 155.

дукт бессилия человека перед господствующими над ним стихийными силами природы, религия по-прежнему опирается на такие чувства, как страх, горе, направляет его на ожидание лучшей жизни в другом, потустороннем мире. Любое религиозное учение призвано создавать атмосферу боязни, тревоги, преклонения перед «потусторонними силами», держать верующих в постоянном страхе³⁴.

Атеистическая пропаганда формировала у советского человека убеждение, что жизнь верующих окрашена эмоциональным воздействием страха. Неудивительно, что тема страха встречается в трети сочинений из Кинешмы. Однако по мнению респондентов, страх современных им верующих не имел метафизической природы: это не был страх смерти или страх получить воздаяние за несправедную жизнь после смерти. Страх был связан исключительно с наказанием в этой, земной жизни: «Почему молодежь верует? Ну прежде всего человек будет верить, если ему с детства будут говорить, что существует бог и все несчастья, которые случаются в жизни, идут от бога, который чем-то недоволен тобой»³⁵. Подобные выводы были характерным следствием так называемой «педагогики страха», широко используемой в обиходе: «Постигло человека несчастье, тут как тут появляются бабушки, которые уверяют человека, что это бог послал наказание ему за то, что он не молился ему и ставил свечки»³⁶. Отношение человека к богу в рамках этой парадигмы — это отношение рабства посредством страха. Страх верующих в глазах респондентов был иррационален: как можно бояться того, кого нет? Сам образ боящегося человека, внутренне скованного, бездеятельного, безынициативного, выступал прямым антагонистом образу строителя коммунизма:

Когда ребенок родился в религиозной семье, ему сразу же внушают, что на свете есть такой могущественный человек, который может все сделать — это бог. Дети начинают бояться. Они думают, что если будут молиться, то бог ничего не сделает им и простит все. Когда эти дети подрастают, ... они становятся замкнутыми и недоступными³⁷.

34. Быкова Г.Г. Причины возникновения и проявления религиозности у подростков // Советская педагогика. 1963. № 8. С. 37–38.

35. Там же. Л. 49 об.

36. Там же. Л. 103.

37. Там же. Л. 92 об.

Паттерн о фундаментальном значении «педагогике страха» в религиозном воспитании также широко тиражировался в СМИ. Например, из письма в «Учительскую газету» мы узнаем о тяжелом детстве его автора, которое проходило в верующей семье в после-революционные годы: «Богомольные мать и бабушка настойчиво внушают веру в бога. Длинными зимними вечерами рассказывают страшные истории о „геенне огненной“, аде, колдунах, о том, что божья кара постигнет богоотступников... Часами заставляют разучивать молитвы». Автор письма свидетельствует, что подобные методы запугивания отразились на его психике, он рос боязливым, робким, не вступал в шумные игры сверстников — «боженька накажет»³⁸.

Виктимизация женской и детской религиозности

Образы женской и детской виктимности стали центральными темами советского атеистического дискурса в силу ряда причин. Во-первых, образ жертвы выступал антагонистом идеалу советского человека, образу активного, бесстрашного борца — строителя коммунизма. Ролевая модель верующего человека предполагала такие качества, как смирение, покорность, терпение. Традиционные гендерные стереотипы, заимствованные из имперского дискурса, маркировали эти черты как женские. Образ девушки или ребенка — жертвы, под влиянием обстоятельств (горя) или внешних сил (родственников) попавших «в сети церковников», вызывал сочувствие и желание защитить, «спасти», что вторило властному дискурсу героизации советской маскулинности и противоречило образу «супер-женщины»³⁹. Если же обладателем этих христианских качеств выступал мужчина, он не просто высмеивался атеистической пропагандой — демонизировался: смирение, послушание, жертвенность выдавались за лицемерие, под маской благочестия скрывались преступники, развратники и изуверы.

38. Настойчиво улучшать научно-атеистическую пропаганду (по письмам читателей) // Учительская газета. 1959, № 36 (4472).

39. *Хасбулатова О.А.* Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: ИвГУ, 2005; *Тулузакова М.В.* Социокультурные образцы феминного и маскулинного и проблема гендерного равенства // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2009. № 4. С. 105–118; *Пушкарёва Н.Л.* Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 8–23; *Здравомыслова Е.А., Темкина А.А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 1. № 3/4. С. 299–321.

Во-вторых, в силу исторических обстоятельств — демографического дисбаланса, образовавшегося после Великой Отечественной войны, очевидно, что женщин в храмах было действительно больше, чем мужчин. Изменения половозрастного состава населения предопределили численное преобладание женщин на несколько десятилетий вперед. Следствием войны стали не только гендерные диспропорции в СССР, но и смягчение политики в отношении верующих (открытие церквей, возвращение священнослужителей из ссылок), что предопределило религиозный ренессанс в первое послевоенное десятилетие. Принимая во внимание объективный характер этих изменений, ситуация, когда вера обрела «женское лицо», представляется неудивительной.

«Женская» тема в атеистическом дискурсе появилась еще в первые годы существования советской власти. «Если вы зайдете в церковь, то увидите, что там женщин куда больше, чем мужчин. Из мужчин больше всего стариков, а женщин много и пожилых, и молодых»⁴⁰. Данное утверждение из статьи «Работница и религия» 1922 г. сразу стало хрестоматийным, кочуя из работы в работу. «Девять десятых спешащих в храмы составляют женщины, две трети их составляют люди старше 50 лет. Старшие нередко ведут с собой детей»⁴¹, — спустя 44 года вторит ей в начале своего атеистического пособия известный ренегат, бывший преподаватель Александро-Невской семинарии Александр Осипов.

В период «оттепельного» наступления на религию выходит значительное количество пособий в помощь лекторам-пропагандистам, озаглавленных «Женщина и религия». Эти работы имели целью не только развенчать догматические основы веры, но и дискредитировать верующих на примерах материалов, касающихся как христианских деноминаций⁴², так и ислама⁴³. Заметим, что в довоенный период для подобных брошюр был свой-

40. Крупская Н.К. Работница и религия // Из атеистического наследия. М., 1964. С. 70.

41. Осипов А.А. Женщина под крестом: статьи, беседы, размышления. Л.: Лениздат, 1966. С. 3.

42. Например: Кононко Е.Н. Материал к лекции на тему: Женщина и религия. Общество по распространению полит. и науч. знаний МССР. Кишинев, 1959; Притчина Е.А. Женщина и религия. Москва: Сов. Россия, 1960.; Пролеева В. Женщина и религия. Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1960; Соколова В.Г. Религия и женщина. Пермь: Кн. изд-во, 1962; Потапова В.А. Отношение религии к женщине. Ставрополь: Кн. изд-во, 1954.

43. Вагабов М.В. Женщина и религия. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959; Лысенко В.Д. Женщина и религия. [Грозный]: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1964.

ственен эмансипационный дискурс⁴⁴, особенно характерный для советизации «исламских» республик СССР⁴⁵.

Визуальные и текстовые источники рисуют типичного православного верующего как пожилую малообразованную женщину, реже — молодую и одинокую, которая ищет в вере утешение и забвение от тоски. Поведение верующей женщины предполагало прозелитизм и стремление соблюдать все обряды, часто не вдаваясь в их смысл, и слепое благоговение перед священнослужителями, которые злоупотребляют их доверием и наживаются на их вере.

Учащихся из Кинешмы особенно занимал вопрос половозрастного состава верующих. Половина из них выразила уверенность, что кроме людей пожилого возраста («главного оплота церкви») «какая-то часть молодежи идет в церковь»⁴⁶. Религиозность пожилых людей, получивших образование до революции и верящих «по привычке», воспринималась как само собой разумеющееся и вызывала снисходительное отношение, так как старость ассоциировалась с косностью и отсталостью:

И вдруг в одном из коллективов обнаруживается верующая в бога, в какие-то сверхестественные силы, девушка. И это в наше время! В век покорения космоса! У этой девушки дома верит в бога старушка-мать. Но ведь это старушка. Ей простительно⁴⁷.

Религиозность молодого поколения стремились объяснить воспитанием, которое негативно отразилось на их личностных качествах:

Среди бабушек и дедушек встречаются и молодые люди, которые также горячо верят в бога. Эти люди воспитывались на той же почве, что и наши деды. Они также политически слабы и неграмотны. Такие люди душевно бессильны⁴⁸.

44. Крывелев И.А. Женщина и религия. Москва: ГАИЗ, 1937.

45. Евгабель. Борьба за освобождение женщины востока и религия: [Пояснит. текст к серии диапозитивов] / Евгабель; Под ред. ЦС. Москва: ф-ка № 5 треста «Союзтехфильм», 1935. 15 с.; Климович Л.И. Борьба за освобождение женщины Востока и религия: [Пояснит. текст к серии диапозитивов] № 339 / Люциан Климович; Под общ. ред. ЦС СВБ; Ф-ка кинопл. диапозитивов треста «Союзтехфильм». Москва: тип. «6 Октябрь», 1933 (Загорск).

46. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 163. Л. 146 об.

47. Там же. Л. 77.

48. Там же. Л. 81 об.

Именно в «душевной слабости» и «моральной неустойчивости» личности видит причины обращения молодежи к религии большая часть респондентов (треть работ). В этих работах психическая уязвимость связывается с концептом «горя», чаще всего понимаемого как смерть близкого человека:

У меня возникает неприятное чувство при виде церкви и людей, идущих туда. Особенно неприятно видеть, когда молодая девушка идет в церковь... Мне не верится, что она верит в бога, ее побудило или заставило что-то, может горе, а может и смерть близкого человека⁴⁹.

Заметим, что образ жертвы, обратившейся к религии как к способу ухода от жизненных проблем, в большинстве медиаисточников связывался с «сектантским» сообществом⁵⁰. В данном случае интересен факт переноса этого паттерна с менее известной для учащихся конфессиональной группы на привычную.

Респонденты ставили под сомнение искренность веры своих знакомых. Религиозность молодежи часто объяснялась любопытством, желанием развлечься и отсутствием других видов досуга: «Иногда в церковь ходят не только потому, что верят в бога, а просто так. Например, я не верю, что Васина верит в бога, ведь она учится в нашей школе, а она ходит в церковь. По-моему, она ходит, чтобы посмотреть на попа» (далее комментарий рукой проверяющего: «Поп молодой»)⁵¹.

В представлениях учащихся отчуждение и одиночество, отсутствие психологической поддержки и невнимательность со стороны рабочего коллектива открывают дорогу для проповедей и религиозных бесед. Четверть респондентов выразили убеждение в прозелитической деятельности верующих как характерной особенности их поведения. Восприятие церкви как организации, главной целью которой является пополнение рядов адептов веры, подтверждает использование эмотивов: «цепи бога», «пути веры», «черная паутина веры», «липкая паутина», «тина», «лапы

49. Там же. Л. 101 об.

50. Эта тема стала основной сценариев ряда игровых фильмов: «Тучи над Борском» (1960, реж. В. Ордынский), «Люблю тебя, жизнь!» (1960, реж. М. Ершов), «Армагеддон» (1962, реж. М. Израилев), «Цветок на камне» (1962, реж. С. Параджанов, А. Слесаренко); документального фильма «Правда о сектантах-пятидесятниках» (1959, Беларусьфильм, реж. Бурьян Б.)

51. Ф. 606. Оп. 4. Д. 163.

церкви», «церковные сети», «Чертов круг». Многие из приведенных выше эпитетов широко использовались советскими СМИ в качестве заглавий статей или названий фильмов.

«Потерянное детство» — один из наиболее сильных драматических приемов атеистического дискурса. Дети, которые оказываются беззащитными перед самодурством и произволом верующих родственников, вызывали наиболее сильный эмоциональный отклик аудитории. СМИ не скупилась на свидетельства того, как верующие во имя «благой цели» воцерковления своих детей грубо вмешивались в их жизнь. Например, отец из г. Майкопа запретил своей дочери читать роман «Молодая гвардия» («в книге антихрист сидит»), заставил ее петь в церковном хоре⁵²; бабушка из подмосковного города Загорска лишила своего внука, шестилетнего Гену В., обеда, «пока он не помолится»; Вова Д., ученик 4 класса, был крещен по требованию бабушки из деревни, что вызвало насмешки сверстников, порицание взрослых и сделало его изгоем⁵³.

В атеистических фильмах крупные планы отстраненных или несчастных лиц подростков и молодежи противопоставлялись активным и веселым светским молодым людям. Детская беззащитность перед лицом фанатизма взрослых не могла не вызывать жалость и чувство возмущения у читателей. Большое внимание в СМИ уделялось примерам детской смертности в результате обряда крещения⁵⁴.

Проблема детской виктимности также широко представлена в сочинениях. Наиболее часто респонденты упоминали физические наказания за вступление в пионеры и комсомол (от срывания пионерского галстука до побоев), психологическое насилие и принуждение исполнять церковные обряды, вмешательство в семейную жизнь детей. Сюжет о смерти в результате крещения не нашел значительного отражения в работах респондентов.

Религиозное воспитание, передававшееся по женской линии, было важным гендерным маркером религиозности в свете атеистической пропаганды. Респонденты обратили внимание на активное, порой агрессивное влияние старого поколения, преимущественно бабушек или матерей, на приобщение детей к вере.

52. Настоячиво улучшать научно-атеистическую пропаганду (по письмам читателей) // Учительская газета. 1959, № 36 (4472).

53. Гальперина И. Бабушкины сказки // Учительская газета. 1959, № 134.

54. Калугин Г. О «таинстве» крещения // Наука и религия. 1961, № 1. С. 86–87; Жулин Б. Окрестили!.. // Наука и религия. 1960, № 4. С. 74–75. О нескольких случаях «утопления» младенцев священником г. Орла см.: Факты обличают // Наука и религия. 1961, № 6. С. 26.

Часть респондентов поделилась личным опытом давления со стороны родственников. Для них мотивацией посещать храм в юном возрасте тоже был страх, но не перед богом, а перед строгой матерью:

В детстве меня водила мать в церковь, учила молитвам. Уже учась в школе, я ходила одна в церковь, конечно, в младших классах. Не знаю, почему я ходила, то ли из-за боязни перед матерью, она у меня строгая, то ли по привычке ходила. Но когда стала понимать своим умишком кое-что, я перестала ходить, хотя мать по-прежнему ходила, читала свои книги⁵⁵.

Стигматизация верующих и антиклерикализм

Образ православной религиозности складывался из стереотипов, основой которых стала социальная стигматизация — наделение человека или группы негативным признаком-клеймом со стороны общества. Таким клеймом-стигмой являлось убеждение о сребролюбии верующих, тунеядстве и стремлении к наживе. Это убеждение распространялось не только на клир, но на рядовых верующих.

В советском атеистическом дискурсе существовала негласная «иерархия» пороков священнослужителей, где сребролюбие уверенно занимало первое место. СМИ на региональном и общесоюзном уровне пестрели сообщениями о мотовстве и роскоши, в которой утопали представители церкви⁵⁶. О нравственном падении, личной деградации и сексуальных преступлениях духовенства говорилось исключительно в контексте стяжательства⁵⁷.

Алчность священнослужителей много веков была предметом сатиры, однако неслучайно именно этот порок стал центральной темой антиклерикального дискурса. В эпоху оттепели совет-

55. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 163. Л. 104 об.

56. Харьков Н. К кому же идти исповедаться? // Наука и религия. 1960. № 6. С. 61–65. В журнале «Наука и религия» существовал особый раздел «Факты обличают», в котором публиковались конкретные случаи проступков клира и паствы разных вероисповеданий по всему миру, особое внимание уделялось, конечно, ситуации в СССР. Подробнейшим образом недостатки и пороки священнослужителей описаны в трудах церковных ренегатов, например: *Дарманский П. Ф.* Побег из тьмы. Рассказ бывшего священника. М.: Советская Россия, 1961. 103 с.

57. Статья о жалобе крестьянки на сексуальные домогательства со стороны квартиранта-священника из газеты Меленковского района Владимирской области: *Жадина В.* Святые отцы развлекаются // Коллективист. 27 окт. 1959. № 127.

ское законодательство стремилось ограничить финансовую основу церкви, чтобы ликвидировать ее как социальный институт. Агрессивная пропаганда в СМИ была призвана подорвать доверие паствы и лишить приходы источника существования.

В 20% работ респондентов возмутило сребролюбие, распространенное среди священнослужителей: «Попы и дьяконы до чего дошли. Религия не позволяет ходить в кино, иметь телевизор и так далее, а у современных попов и автомашины, и телевизоры, и лодки с моторами, буквально всё»⁵⁸. Трое учащихся были убеждены в том, что священство стало только способом заработка для проходимцев: «А сами служители церкви верят в бога? Да, конечно, нет! Деньги — вот, что заставляет их “верить”»⁵⁹.

Порицание также вызвали неискренность, лицемерие и «теплохладность» верующих. Удивительно, но респонденты осуждали не саму религиозность, а несерьезное отношение к вере: «А ведь раньше люди за веру умирали, а сейчас хоть один лишится чего-либо за бога, они глядят как бы с божией помощью нажиться чем-нибудь»⁶⁰. Значительная часть респондентов выразили убеждение, что истинно верующих в СССР практически не осталось:

Некоторые идут в церковь так, от нечего делать, других привлекает церковное пение, внутреннее убранство церкви. Многие из них на самом деле не верят в бога. Если с ними говорить на эту тему серьезно, то они пытаются отделаться ничем не значащими словами ... Они случайные попутчики верующих⁶¹.

Эволюция верующих в условиях социалистического общества, отход от прежних убеждений («верующие уже не те, что были раньше», «они уже не верят, что все создается по вере в бога»⁶²) вызывали не одобрение, а осуждение за двуличие и бездумное следование обрядам.

Кроме корыстолюбия пропаганда предъявляла верующим одно из самых серьезных обвинений для советского послевоенного общества — коллаборационизм в период Великой Отечественной войны. СМИ часто делали акцент на том, что верующие,

58. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 163. Л. 114 об.

59. Там же. Л. 77 об.

60. Там же. Л. 112 об.

61. Там же. Л. 150–150 об.

62. Там же. Л. 44 об.

в том числе священнослужители, в период военных действий были либо дезертирами, кто подло отсиживался в тылу, в то время как женщины и дети бесстрашно шли на фронт, либо сотрудничали с нацистами⁶³.

Материал о коллаборационизме униатов, католиков и «сектантов» встречался на страницах печати намного чаще случаев перехода на сторону врага православных⁶⁴. Трудно было отрицать большую работу, которую РПЦ проводила как для помощи фронту, так и по укреплению морального духа граждан в годы войны⁶⁵. Говоря о значении вклада РПЦ в победу, в СМИ подчеркивалось, что «эта деятельность не имела никакого отношения к религиозному вероучению», более того, истинный смысл призывов Христа «не противься злему», «взявший меч от меча и погибнет» и т.п. прямо противоположен смыслу антифашистских воззваний РПЦ⁶⁶.

К провокативной теме предательства обратились и кинорежиссеры. В 1959 году вышел нашумевший фильм «Иванна», который сразу стал одним из самых кассовых: за первый год проката в СССР ленту посмотрело 30,2 млн зрителей⁶⁷. Главная героиня — молодая, искренне верующая девушка Иванна видит, как служители униатской церкви во Львове сотрудничают с оккупантами, благословляют расправы с партизанами, евреями и мирными жителями.

Только в двух сочинениях из 38 освещается проблема коллаборационизма верующих в годы ВОВ. Несмотря на то, что в СМИ чаще всего освещались случаи пособничества фашистам среди

63. Осипов И. Второе лицо «учителя» Мокрова // Учительская газета. 1959. № 137. С. 2.

64. Например: Шамаро А. «Брат во Христе» из Людиново // Наука и религия. 1961. № 9. С. 79–81; Беляев В. По следам исчезнувшего гарнизона // Наука и религия. 1960. № 11. С. 62–67; Он же. Соловьи дальнего действия // Наука и религия. 1963. № 12; Романов А. Духовный скит предателя // Наука и религия. 1963. № 2. С. 24–27. Документальный фильм «Липкая паутина» (1961 г.), Куйбышевская студия кинохроники, реж. Д. Дальский. О сотрудничестве с нацистами Балтийского экзархата, отколовшегося от Московского патриархата: Андреев А., Геродник Г. Крест на службе у свастики // Наука и религия. 1963. № 11. С. 43–48.

65. Шкаровский М. В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече, 2007; Шкаровский М. В. Холокост и православная церковь. М.: Вече, 2017; Васильева О. Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М.: Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. 2001.

66. Шамаро А. Крестоносное предательство // Наука и религия. 1961. № 3. С. 43.

67. «Иванна» (укр. Иванна), реж. Виктор Ивченко, киностудия им. А. Довженко, 1959 г. [<https://www.kinopoisk.ru/film/42665/>, доступ от 20.02.2020].

представителей протестантских деноминаций или католико-униатов на западных окраинах СССР, учащиеся выразили убежденность в принадлежности православного клира к преступлениям фашистов: «Во время Великой Отечественной войны почти все служители церкви переходили на сторону фашистов, вместе с ними мучили наших героев»⁶⁸. Описание попыток «усмирения именем божьим» напоминает сцены фильма «Иванна»:

В Великую Отечественную войну в церковь ходили гитлеровцы, прося попов, чтобы те проповедывали спокойствие и смирение людям, которых на их же глазах гнали в крематорий или на расстрел⁶⁹.

Великая Отечественная война была символической доминантой, определяющей ментальность советского человека. Учащиеся школы рабочей молодежи по возрасту относились к поколению «детей войны». Причастность клира к преступлениям нацистов сразу задает их принадлежность к «чужим», преступникам, врагам в военной парадигме «свой — чужой».

* * *

В начале статьи мы говорили о нехватке сведений о религиозности населения СССР, что привело нас к материалам социологических исследований, среди которых мы обнаружили школьные сочинения, написанные молодыми рабочими из русской глубинки. По задумке организаторов соцопроса, данная группа считалась референтной для анализа религиозности советской рабочей молодежи Ивановской области. Изучение 38 источников, безусловно, ограничено фреймами регионального кейса, что не позволяет нам экстраполировать выводы об эмоциональном восприятии религии и верующих на всю молодежь Советского Союза. При этом анализ восприятия одних категорий населения другими на локальном уровне вносит существенный вклад в изучение большой социальной истории советского общества и может способствовать пониманию эмоционального отношения к религии неверующих людей в СССР.

В сочинениях (37 работ из 38) авторы стремились подчеркнуть соответствие духу времени через трансляцию ожидаемого негативного отношения к религиозным людям и религиозности

68. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 4. Д. 163. Л. 77 об.

69. Там же. Л. 114 об.

в целом («С молодых лет я ненавидел тех, кто ходит в церковь. Во мне жила ненависть к церковным обрядам»⁷⁰, «У меня возникает неприятное чувство при виде церкви и людей, идущих туда»⁷¹ и т. д.). При этом, стараясь выстроить повествование в логике атеистического дискурса, респонденты излагали личные наблюдения, которые противоречили официальным положениям, но оставляли эти парадоксы без объяснений. Так, учащиеся выразили уверенность в значительном количестве верующих в стране, в то время как пропаганда утверждала, что их в СССР почти не осталось, также спорными оказались утверждения о возрасте, уровне интеллекта и образования верующих. Выход за рамки парадигмы мог привести к когнитивному диссонансу, поэтому респонденты предпочли оставить поиск ответов на «сложные вопросы» проверяющим.

Интересной особенностью сочинений можно считать феномен «десакрализации» личного религиозного опыта ближайшего окружения для доказательства положений, транслируемых пропагандой. Респонденты оставляли за собой право рассекречивать частную жизнь своих знакомых и давать ей оценку на страницах своих сочинений. Подобные заявления могли быть адресными («Васина верит в бога, <...> она ходит в церковь <...>, чтобы посмотреть на попа», «У меня бабушка тоже ходит в церковь, но она, как мне кажется, не убеждена в боге») или анонимными: о коллегах, знакомых, соседях по коммуналке («Я знаю одну представительную женщину. <...> Ее комната обставлена иконами. Она не пропускает ни одного религиозного праздника. Посещает церковь. Молится»⁷²). Респонденты считали, что сообщают правду в целях борьбы с религиозностью, что соответствовало общей тональности советских СМИ того времени — «обличая, перевоспитывать».

Удалось ли «перевоспитать» самих респондентов? Несмотря на повторение общеизвестных стереотипов и осуждение современных им верующих, четверть авторов выразила убеждение в том, что вера как феномен является неотъемлемой частью человеческого существования. Для других респондентов (четверть работ) вера в «человека», «прогресс» и «светлое будущее» заменила религиозную веру, что также свидетельствует о компенсаторном

70. Там же. Л. 118.

71. Там же. Л. 101 об.

72. Там же. Л. 82.

стремлении заполнить искусственно созданный «религиозный вакуум». В любом случае, сама постановка вопроса подтолкнула молодых людей из секулярного общества к рассуждению об экзистенциальных проблемах и метафизических категориях, что противоречило изначальной цели кампании. Авторы 37 сочинений из 38 имели опыт общения с верующими людьми, что свидетельствует о сохранении значительной степени религиозности населения в провинции Центральной России.

Библиография / References

Архивные материалы

- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 4.
- Дело 120. Сводные данные конкретно-социологических исследований проблем атеизма и религии, проведенных в 1960–1972 гг. опорными пунктами Института научного атеизма.
- Дело 163. Материалы социологического исследования об отношении учащихся 6–10-х классов школы г. Шуя Ивановской области к богу и религии, проведенного за-служенным учителем РСФСР Б. И. Красновым.

Литература

- Белякова Н., Добсон М. Женщины в евангельских общинах послевоенного СССР. 1940–1980-е гг. Исследования и источники. М.: Indrik, 2015.
- Васильева О. Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М.: Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории. 2001.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 1. № 3/4. С. 299–321.
- Келли К. Право на эмоции, правильные эмоции: управление чувствами в России после эпохи Просвещения // Российская империя чувств: подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: Новое литературное обозрение. 2010. С. 68–73.
- Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть. СПб., 2009.
- Осовский О. Е. Переживание «утраты дома» у детей-беженцев из России (по материалам школьных сочинений первой половины 1920-х гг.) // Гуманитарные науки и образование. 2010. № 1. С. 60–63.
- Отец Александр Мень отвечает на вопросы. Москва: Фонд имени Александра Меня, 1999.
- Пушкарева Н. Л. Гендерная система Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. № 5. С. 8–23.
- Тулузакова М. В. Социокультурные образцы феминного и маскулинного и проблема гендерного равенства // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2009. № 4. С. 105–118.
- Федоров А. В. Опыт герменевтического анализа советских аудиовизуальных медиатекстов антирелигиозной тематики на занятиях в студенческой аудитории // Инновации в образовании. 2013. № 7. С. 78–94.

- Хасбулатова О.А. Российская гендерная политика в XX столетии: мифы и реалии. Иваново: ИВГУ, 2005.
- Хун У. Рождение этнографии из духа атеизма? Исследования «современного сектантства» в контексте антирелигиозных компаний Н.С. Хрущева // Этнографическое обозрение. 2018. № 2. С. 110–112.
- Чумакова Т. «Карта религий» для неудавшейся всесоюзной переписи 1937 г.: забытая страница советского религиоведения // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 3–4 (30). С. 106–133.
- Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече, 2007.
- Шкаровский М.В. Холокост и православная церковь. М.: Вече, 2017.

Archival materials

- Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 606. Op. 4.
- Delo 120. Svodnye dannye konkretno-sotsiologicheskikh issledovaniy problem ateizma i religii, provedennykh v 1960–1972 gg. opornymi punktami Instituta nauchnogo ateizma [File 120. A summary of the data of specific sociological studies of the problems of atheism and religion, conducted in 1960–1972 by the Institute of Scientific Atheism].
- Delo 163. Materialy sotsiologicheskogo issledovaniia ob otnoshenii uchashchikhsia 6-10-kh klassov shkoly g. Shuia Ivanovskoi oblasti k bogu i religii, provedennykh zaslužennym uchitelem RSFSR B. I. Krasnovym [File 163. Materials of a sociological study of the attitude of students in the 6th-10th grades of the school in Shuya, Ivanovo Region, to God and religion, conducted by the honored teacher of the RSFSR B. I. Krasnov].

Literature

- Baran, E. (2011) *Faith on the Margins: Jehovah's Witnesses in the Soviet Union and Post-Soviet Russia, Ukraine, and Moldova, 1945–2010*. PhD thesis, University of North Carolina at Chapel Hill.
- Belyakova, N., Dobson M. (2015) *Zhenshchiny v evangel'skikh obshchinakh poslevoennogo SSSR. 1940–1980-e gg.* [Women in Evangelical Communities of the Post-War USSR]. Issledovaniia i istochniki. M.: Indrik.
- Biddulph, H. (1979) "Religious Participation of Youth in the USSR", *Soviet Studies* 31(3): 417–433.
- Chumakova, T. (2012) "«Karta religii» dlia neudavsheisia vsesoyuznoi perepisi 1937 g.: zabutaia stranitsa sovetskogo religiovedeniia" ["Map of Religions" for the Unsuccessful Soviet Union Census of 1937: A Forgotten Page of Soviet Religious Studies], *Gosudarstvo, religiia, cerkov' v Rossii i za rubezhom* 3–4 (30): 106–133.
- Corley, F. (1994) "Believers' Responses to the 1937 and 1939 Soviet Censuses", *Religion, State and Society* 22(4): 403–417.
- Dobson, M. (2014) "Child Sacrifice in the Soviet Press: Sensationalism and the 'Sectarian' in the Post-Stalin Era", *Russian Review* 73(2): 237–259.
- Dobson, M. (2015) "The Social Scientist Meets the 'Believer': Discussions of God, the Afterlife, and Communism in the Mid-1960s", *Slavic Review* 74(1): 89.
- Fedorov, A. V. (2013) "Opyt germenevticheskogo analiza sovetskih audiovizual'nykh mediatekstov antireligioznoi tematiki na zanyatiiah v studencheskoi auditorii" [The hermeneutic analysis of Soviet anti-religious audiovisual media texts for the student audience], *Innovatsii v obrazovanii* 7: 78–94.

- Hasbulatova, O. A. (2005) *Rossiiskaia gendernaia politika v XX stoletii: mify i realii* [Russian gender policy in the 20th century: myths and realities]. Ivanovo: IvGU.
- Huhn, U. (2018) "Rozhdenie etnografii iz dukha ateizma? Issledovaniia «sovremennogo sektantstva» v kontekste antireligioznykh kompanii N. S. Khrushcheva" [The birth of ethnography from the atheism spirit? Research of "modern sectarianism" in the context of anti-religious campaigns by N. S. Khrushchev], *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 110–112.
- Kelly, K. (2010) "Pravo na emotsii, pravil'nye emotsii: upravlenie chuvstvami v Rossii posle epokhi Prosveshcheniia" [The Right to Emotions, Right Emotions: Managing Feelings in Post-Enlightenment Russia], in Ia. Plamper, Sh. Shahadat, M. Eli (eds) *Rossiiskaia imperiia chuvstv: podhody k kul'turnoi istorii emotsii*, pp. 68–73. M.: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Nikol'skaya, T. K. (2009) *Russkii protestantizm i gosudarstvennaia vlast'* [Russian Protestantism and state power]. Spb.
- Otets Aleksandr Men' otvechaet na voprosy [Father Alexander Men' answers the questions] (1999). Moskva: Fond imeni Aleksandra Menya.
- Osovskij, O. E. (2010) "Perezhivanie "utraty doma" u detei-bezhentsev iz Rossii (po materialam shkol'nykh sochinenii pervoi poloviny 1920-kh gg.)" [The experience of "loss of home" among refugee children from Russia (based on school compositions of the first half of the 1920s)], *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* 1: 60–63.
- Pospelovskiy, D. V. (1987) *A History of Soviet Atheism in Theory and Practice, and the Believer*. Palgrave Macmillan.
- Pushkareva, N. L. (2012) "Gendernaia sistema Sovetskoi Rossii i sud'by rossiianok" [The gender system of Soviet Russia and the fate of Russian women], *Novoe literaturnoe obozrenie* 5: 8–23.
- Shkarovskij, M. V. (2017) *Kholokost i pravoslavnaia tserkov'* [Holocaust and the Orthodox Church]. M.: Veche.
- Shkarovskij, M. V. (2007) *Krest i svastika. Natsistskaia Germaniia i Pravoslavnaia Tserkov'* [Cross and swastika. Nazi Germany and the Orthodox Church]. M.: Veche.
- Smolkin, V. (2018) *A Sacred Space Is Never Empty. A History of Soviet Atheism*. Princeton & Oxford: Princeton University Press.
- Tuluzakova, M. V. (2009) "Sotsiokul'turnye obraztsy feminnogo i maskulinno i problema gendernogo ravenstva" [Sociocultural patterns of feminine and masculine and the problem of gender equality], *Izvestiia Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravlenie* 4: 105–118.
- Vasilyeva, O. U. (2001) *Russkaia pravoslavnaia tserkov' v politike sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.* [The Russian Orthodox Church in the politics of the Soviet state in 1943–1948]. M.: Ros. akad. nauk. In-t ros. istorii.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2004) "Gosudarstvennoe konstruirovanie gendera v sovetskom obshchestve" [State construction of gender in Soviet society], *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 1(3/4): 299–321.